

Чего нельзя простить?
После этой войны так бесконечно
много надо будет прощать и нельзя
будет простить!
На это не хватит целой жизни.

Эрих Мария Ремарк.
Время жить и время умирать

Концлагерь и немцы –
Слова, словно братья,
Как мячик и детство,
Как фрау и платье.

Любил бы немецкий,
Когда б ни «Дахау»,
«Треблинка», «Освенцим»,
«Аушвиц-Биркенау».

Овчарок, бараков,
Печей «Бухенвальда» –
Не смыть никогда кровь
Сынам фатерлянда.

Потомкам великих
Тевтонов и швабов
С рукою навыкид,
Со свастикой-гадом.

По двести душ споро
«Циклоном» травили,
Антихристы Ordnung –
Порядок любили.

27

Не раз был задушен
И я палачами,
Над книгой-подружкой
Склоняясь ночами.

Не раз молча плакал,
Шёл к воину-деду,
И дед вспоминал, как
Гвоздил людоедов.

Доныне арийская
Речь ужасает,
Из Шиндлера списка
Кто жив – это знает.

Сотрёт вряд ли время
Из дум человечьих
«Концлагерь» и «немец» –
Синонимов вечных.

ЛЕНИНГРАД ЕВРОПЕ

...И они ещё указывают,
как нам отмечать
прорыв блокады...

Реплика из новостей

Пристава к твоему двору
Я отправил, таков порядок.
Чем расплатишься за игру
В некомпьютерную блокаду?

Я тебе не Япония,
Взрыв простившая американам.
Восемьсот семьдесят два дня –
Эта цифра на каждом камне.

Ты ж в маразме забыть могла,
Как мне горло сжимала, с...!
Крематорий сжигал тела –
Полторы тонны пепла в сутки!

Чем расплатишься? Поищи,
Платежом долг... Всё по закону,
Пискарёвское кладбище
В моём сердце недаром стонет.

Отольётся слеза моя,
И не по электронной почте.
Восемьсот семьдесят два дня!
Восемьсот семьдесят две ночи!

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ

Вновь первая смена.
В субботу всем светит,
Но только ко мне
Вновь никто не приедет.

Весёлый и резвый,
Я стану угрюмый,
Меж прутьев железных
Свой чубчик просунув.

Смотреть, как ребята
Уходят на волю
Кто с мамой, кто с братом,
К цветочному полю.

Свой взгляд неумелый,
Неловкий, бросают,
С собою несмело
Меня зазывают.

И там расстилают
Салфетки, газеты,
И там поглощают
Клубнику, конфеты.

А лакомство это
Запить ещё надо
Прохладным и резким
Таким лимонадом.

Отряд наш геройский
Зовут «Бригантиной».
Он снова мой остров
Оставит пустынным.

ДЕТСАДОВСКОЕ

Грусть на лицах у девочки с мальчиком,
Опустела давно группа средняя.
Как старик со старушкой на лавочке
Те, кого забирают последними.

Робот в варежках мальчика ёрзает.
Кукла к девочке всё прижимается,
Пусть за ними пришли б только взрослые,
Им не надо кричать: «Что копаешься!».

Все завязки на шапках завязаны,
И на курточках кнопки застегнуты,
И сидят они, будто наказаны,
Как игрушки их – куклы и роботы.

Только сбудется всё-таки праздник у них,
Скрипнет дверь – и улыбки победные!
Только вот повзрослеют быстрее остальных
Те, кого забирают последними.

28

НАГЛОСАКСЫ

Мой друг не выговаривал страну,
Одну из Европейского пространства.
Гитарную он трогая струну,
Бросал: «Сейчас споём, как наглосаксы».

Я поправлял его. Я «Битлз» уважал.
Я наслаждался песней Элтон Джона.
Но оккупантом кто-то обозвал
Меня на том Туманном Альбионе.

В тумане невозможно распознать
Чудесной радуги над Темзой,
Но разве это повод так сказать
В мой адрес незаслуженно: «Агрессор!».

Возможно, они где-то хороши –
Чарльз Диккенс теплоту во мне оставил,
Но друга, что с названием грешил,
Сегодня я б, наверно, не поправил.

